

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

УДК 316.75

Богачёв М.И.

ПРИЧИНЫ «ВОЗРОЖДЕНИЯ» ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ

Богачёв Максим Игоревич, стажер-исследователь
Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
E-mail: mbogachev@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу причин увеличения в России числа лиц, идентифицирующих себя как православные верующие. Автор формулирует основные факторы «возрождения» православия в России. С точки зрения автора наиважнейшим фактором увеличения численности лиц, считающих себя православными, является поиск идентификационного конструкта.

Ключевые слова: идентификация; православие; верующие; РПЦ.

Bogachev M.A.

THE CAUSES OF «REVIVAL» OF ORTHODOXY IN RUSSIA

Bogachev Maksim Igorevich
Trainee-Researcher, Laboratory of Business Communications
Higher School of Economics National Research University
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
E-mail: mbogachev@hse.ru

АБСТРАКТ

The article is devoted to the analysis of the causes of the increase in the number of people who identify themselves as the Orthodox believers. The author indicates the main factors of the Orthodoxy revival in Russia. From the point of view of the author, the most important factor of the increase in the number of persons considering themselves as Orthodox is the search of an identification construct.

Keywords: identification; Orthodoxy; believers; Russian Orthodox Church.

Результаты социологических опросов за период с 1989 по 2013 г. свидетельствуют о многократном росте количества россиян, идентифицирующих себя с православным вероисповеданием. Если в 1989 г. 21,9% граждан РСФСР относили себя к православию [1], то в 2013 г. уже 68% россиян считало себя православными [2].

Однако аффилиция людей с православным вероисповеданием плохо коррелирует с их воцерковлённостью – частотой похода в церковь, посещением религиозных обрядов, знанием основ вероучения и т.п. Так, количество россиян, которые посещают религиозные службы хотя бы чаще, чем раз в месяц, в разы меньше, нежели численность лиц, идентифицирующих себя как православные верующие [2]. «Определяющими для таких «новых» верующих зачастую оказываются не главные и даже не аутентичные смыслы православно-христианского универсума, а установки и представления, случайным образом ассоциированные с ним (околоцерковные суеверия, политико-идеологические концепты, символические элементы исторических традиций и др.)» [3, с. 138]. Так, значительная доля лиц, идентифицирующих себя как православные, верят в существование НЛО, придерживаются языческих традиций и не верят в религиозные чудеса [4]. «Это связано с тем, что «православие» является компонентой гражданской идентичности в большей степени, чем компонентой религиозной идентичности для россиян» [5]. Поэтому, на наш взгляд, в России можно констатировать скорее факт наличия православной квазирелигиозности, нежели увеличения числа православных. Таким образом, результаты нынешнего российского «религиозного возрождения» [6] «оказываются не только очень скромными, они оказываются «бесконечно малой», если не отрицательной величиной» [7].

Тем не менее, не стоит недооценивать возможностей, стоящих за этой квазирелигиозностью. 68% от ста сорока миллионной страны, обладающей ядерным вооружением, представляют собой мощную силу. Сам факт их отождествления с православным сообществом разительно преобразил позицию и запросы Русской Православной Церкви Мо-

сковского Патриархата (РПЦ МП), неожиданно ставшей если не обладательницей, то, по крайней мере, руководителем, пастырем данного сообщества и располагаемого им потенциала. Необходимо учитывать, что власть церкви как института автократична. Если современные руководящие органы российского государства хотя бы формально зависят от граждан (электората) и поэтому выступают от их имени, то церковная власть, декламируя свои действия как угодные народу, ни *de jure*, ни *de facto* от населения не зависит. Таким образом, если патриарх говорит, что православные должны голосовать за В.В. Путина или что их чувства оскорблены акцией «Pussy riot», то он выступает от лица всех лиц, идентифицирующих себя как православные соответствующей юрисдикции. Но «верующие» не могут контролировать действия и слова патриарха. Им неподвластно заменить или свергнуть его. Иными словами, церковь как институт использует огромный символический и представительный капиталы, при этом являясь в достаточной мере закрытым сообществом, неподконтрольным демократическим институтам.

Существенное изменение в самоидентификации большинства россиян, рождённых и воспитанных в светском государстве, вызывает массу вопросов. В частности: почему россияне стали причислять себя к православному вероисповеданию? Предположительно данный феномен каузально связан с такими факторами, как:

- потеря нравственного стержня в результате крушения коммунистической идеологии, сенсорная депривация населения;
- потеря ценностных ориентиров при сломе жизненных устоев в девяностые годы XX века, социальная аномия;
- поиск новой коллективной принадлежности взамен утраченной (желание обрести единомышленников, идентификационный элемент);
- уход духовных ценностей на второй план в связи с тяжёлым экономическим положением, и «возврат к богу» после улучшения экономической ситуации;
- замаливание грехов, совершённых во время тяжёлого экономического положения;
- мода;

– сохранение за Церковью статуса «защитника и радетеля за народ», при потере доверия общественности к государственным и общественным институтам;

– отсутствие национальной идеи, аллюзии клириков к истории и традициям России, использование церковными институтами распространенного среди россиян консервативно-авторитарного идеологического архетипа.

Для полноценного понимания возможных причин увеличения населения, аффилирующего себя с греко-православным вероучением, необходимо обратиться к недавнему российскому прошлому. Распад Советского Союза ознаменовал собой слом глобального масштаба культурно-идеологической системы, успевшей воспитать поколения особо мыслящих советских граждан. Сворачивание работы привычной пропагандистской машины, дезавуирование всеохватывающей ценностно-ориентирующей идеологической концепции и резкое наступление принципиально иного и враждебного для советского человека капитализма в его крайних и нелепых формах повергли взращенное в идеалистических представлениях население в состояние тяжёлой социальной аномии [8]. Иными словами, советское государство кануло в лету, но остался советский человек, абсолютно не готовый к жизни по новым правилам («без правил») в новой России. Появилась новая страна, но не новая нация. Осознание ненормальности и бесчеловечности происходящего в период становления «новой России», на наш взгляд, подтолкнуло первую осязаемую волну «ищущих» в религиозные учреждения, выдающие общечеловеческие нормы общежития за исключительно христианские заповеди.

После экономического коллапса, вызванного перестроением советской системы, с наступлением «сытого» путинского времени, обусловленного высокими ценами на нефть, у большинства людей отпала острая потребность в поиске пропитания, ввиду чего вышли на первый план иные нужды – в частности, необходимость обоснования своего положения в мире. У людей акцентировалась нужда в смыслополагании, национальной идее. «Россия и русский народ в их совре-

менном состоянии являют собой разительный пример бессмысленного и бесцельного бытия, т. к. ни на государственном уровне, ни на уровне общественного сознания не просматривается даже контуров тех формулировок, которые ставили бы перед страной общенациональные задачи, предлагая программы их решения, одновременно объясняя цель и смысл единой государственнической жизни» [9].

Власть предрекавшие отказались от создания национальной идеи, официальной идеологии, однако спрос на неё в массах остался. Потребность в смыслополагании, актуализировавшаяся у граждан Российской Федерации, во многом обусловлена потерей базового идентификационного конструкта. Люди не понимают, кто они такие, каково их место в мире, однако хотят постичь это. Они больше не советские граждане; хотя многие ещё гордятся тем, что «сделаны в СССР» и считают себя гражданами Советского Союза, происходит постепенное замещение социального материала. И вот новые поколения, пусть даже и рождённые в СССР, однако, ввиду малолетства, не сохранившие никаких воспоминаний об этом государстве, также задаются аналогичными вопросами. Кто они? То ли «русские», то ли «россияне»? Потеря общего идентификационного элемента, осознаваемая в трудном процессе национальной рефлексии, привела к тяжёлому духовному кризису и «попытке заместить утраченные идентичности новыми» [10, с. 174]. Самостоятельные поиски некоторых выбивающихся за рамки повседневного мышления активистов, выбравших в своих духовных исканиях привычную для российского государства кратчайшую дорожку, привели к тому, что «русскость» стала восприниматься как атрибут национализма. Однако это не прибавило понимания термина «россиянин».

Дезавуирование Советского Союза уничтожило общий для всех граждан бывшей империи идентификатор. Ситуация, вызванная потерей этого важного для людей мировоззренческого элемента, была значительно усугублена наступлением эпохи «дикого» капитализма, что в итоге вылилось в поражающую своей масштабностью атомизацию

населения. Эти процессы эксплицитно отобразились на большинстве уроженцев советской страны, не имеющих чётких кровнородственных, этнических и конфессиональных привязок к каким-либо группам – так называемых «русских». Российский народ атомизирован, не един, недоверчив, скрытен – и в этом, как это ни парадоксально, он един. Отсутствие идентификаторов, которые могли бы придти на замену ранее принятому национальному – «советский гражданин», привели «советских» людей в смятение и вынудили к поспешному поиску своей принадлежности, идентичности, как правило, выбираемой ими по языку общения. В действительности, например, кем себя считать ребёнку атеистов украинца и коми (говорящих только на русском языке), родившемуся в 1989 г. на Урале? – Только русским! Такие ситуации в современной России повсеместны, а зачастую весьма комичны: «Ты кто по этничности? – Я русский. А папа кто? – Татарин. А мама? – Башкирка». При этом отождествление себя с группой, именуемой как «русские», не имеет под собой чётких идентификационных элементов (европейская внешность, знание русского языка и азов русской литературы оными не являются). Что порождает массовое желание обрести ярко выраженные черты принадлежности к общности, иметь культурные компоненты, связывающие атомизированного индивида с группой, подобные идентификационным символам кавказских тейпов или тухумов.

Важным элементом культурного единения народа является его общая история, единой точки зрения на которую современная российская власть также не предложила. Однобокое преподнесение Великой Отечественной войны в качестве скрепляющего массы элемента при огромном количестве инохарактерной информации, имеющейся в открытом доступе, зачастую в большей степени дискредитирует подвиг советского народа в глазах людей и оставляет больше вопросов, нежели ответов о роли СССР во Второй Мировой войне и XX столетии. «Истощение символических ресурсов прогрессирует, ценностный голод глохнет больно; поэтому Победа как последняя ценность эксплуатиру-

ется все более отчаянно и притом всё более прагматично, как готовый ответ на любые вопросы и сомнения» [11, с. 127]. При этом не существует чёткой государственной позиции по поводу: роли советских лидеров и проводимой ими политики, массовых репрессий, Гражданской войны и других более отдалённых от современности событий отечественной истории. Данный факт также порождает в головах обывателей смуту и усиливает поиски идентификационного конструкта.

Необходимо признать, что в определённый момент духовные поиски масс, надеющихся обрести «себя», были использованы окол властными структурами. Более того, власть предрешающие продолжают играть на народных желаниях. Различные лозунги типа: «Россия для русских», «Мы за русских, мы за бедных», «За свободную и русскую Россию» и т.п., укладывающиеся, в националистическую риторику использовались и используются легальными, «кормящимися с государственных рук» партиями. Что и говорить о многочисленных полулегальных и нелегальных партиях и группировках, возникших в России на заре нового тысячелетия [12]. Спонтанно возникнув на волне «русских» недовольств сложившейся в стране ситуацией с крайне неравномерным экономическим распределением благ, неконтролируемой миграцией и т.п. процессами, националистические движения были заботливо «прикормлены» властью предрешающими. Однако стремительно набирающее обороты «наци» (оно же «патриот») движение, курируемое сотрудниками спецслужб, заставило власть предрешающих быть сдержаннее в игре с националистическими идеями. Весомым аргументом стали события, произошедшие в 2010 году на Манежной площади, когда организаторы «переборщили», и рулевые государства устрашили собственного детища. Тем не менее, полномасштабного сворачивания этого направления не произошло. Власть оставила данную карту не разыгранной, тем не менее, сохранив её «в колоде».

Сворачивание националистического варианта идеологии сыграло значительную роль в перенаправлении духовных поисков «русского» населения в иное русло. Несмотря на из-

вестную популярность сторонников правых идей, весомая часть населения с подозрением относилась к разнородным националистам, начинавшим с копирования зарубежных образцов и сильно дискредитировавших себя уже первым опытом. Так, идея об «арийской чистоте русской крови», сначала эксплуатировавшаяся некоторыми наци-движениями, оттолкнула многих воспитанных на интернационал-социалистическом и антифашистском агитматериале людей, как и тех, кто с точки зрения националистов, являлся «нечистокровным русским». Посему народные поиски обратились к иным духовным формам – в частности, к религии. Народ в своём желании обрести идентификационный конструкт среди руин российской действительности набрел на повсеместно действующие на легальном основании традиционные культовые институции.

В круговерти, образовавшейся после «перестройки», церковь себя мало проявила – оттого отношение к ней у россиян на протяжении всего «смутного времени» девяностых и начала двухтысячных годов оставалось стабильно лояльным, в отличие от отношения к властным институтам¹ [13, 14, 15, 16]. Позитивное массовое отношение к РПЦ во многом обусловлено тем, что «реально в какие-либо контакты с церковью вступало крохотное меньшинство» [7]. Помимо этого, православный идейный дискурс, включающий в себя остатки идеологических конструктов, издревле закладывавшихся российской, а потом и советской властью, вполне удовлетворял духовные притязания россиян. Имперские и великодержавные интенции в массовом сознании многих поколений жителей нашей страны, выражающиеся в желании народа быть сильным и внушать страх и угрозу другим странам, в стремлении к вызыванию зависти со стороны соседей, в вожделении быть мировым полюсом и «мессией», всем доказывающим свою неповторимость и правоту, – и по сей день пленяют умы многих граждан России. Риторика мыслящих по-

добным образом людей была запечатлена и у отечественных классиков, в частности, у М. Горького: «Мы – искони Русь, наша вера истинная, восточная, корневая русская вера, а это всё – Запад, искаженное вольнодумство! От немцев, от французов – какое добро? Вон они в двенадцатом-то году...» [17]. Следует упомянуть в качестве традиционных элементов российского политического сознания и консерватизм, граничащий с традиционализмом [18], противопоставление России «Западу» как цивилизационному оппоненту, а также идею «осаждённой крепости» и внезапно активизирующуюся гомофобию. Подобные установки и ценностные приоритеты, к сожалению, свойственны всем слоям российского общества [19], что эксплицитно усматривается в лозунгах из предвыборных роликов главной отечественной catch-all party «Единой России»: «Мы не отдадим», «Хочется, чтоб нам завидовали», «Сильной стране нужна сильная армия». Данный факт, на наш взгляд, крайне прискорбен, ибо «отсутствие ценностного плюрализма сковывает развитие общества и замедляет модернизационные процессы» [20, с. 301].

Русская Православная Церковь, тяготеющая к мессианству и притязующая на роль главного православного центра и всесильного адепта «единственного истинного» (ортодоксального) вероучения, со своей отсылающей к лучшим традициям и моментам истории России риторикой, явила для ищущих «себя» россиян долгожданную «землю обетованную». Грамотная игра церковных пиарщиков на отсылке к образу великой и сильной России прошлого в совокупности с использованием элементов традиционного для россиян великодержавнического консервативно-авторитарного идеологического конструкта обещала принести богатые плоды. Первыми это почувствовали всё те же националисты, по-своему понявшие устоявшееся обозначение «Русская православная церковь». Некоторые из них впоследствии даже выбрали себе лозунг, официально признанный разжигающим религиозную рознь – «православие или смерть». Вслед за ними этот идейный ресурс стала использовать РПЦ МП, издревле известная своими прогосударственными настроениями.

¹ Уровень доверия к религиозным организациям стабилен на протяжении длительного периода, в то время как уровень доверия к политическим партиям, милиции, президенту, парламенту и др. государственным институтам падает.

По целому ряду причин РПЦ МП оказалась в очень выгодном положении: как организация, она не была запятнана в девяностые годы, она была легальна и лояльно настроена по отношению к власти, в её названии использовался этноним «русская». Также церковь неофициально курировала сферу нравственности [21, с. 114-116], важность которой была акцентирована в период высоких цен на нефть, пропагандировала великодержавные идеи о привилегированном положении титульной нации и нациеобразующего народа. А главное, РПЦ использовала значительный символический и исторический капиталы, приписывая все достояния некогда существовавших на территории современной России государств собственному благотворному влиянию и преподнося себя как традиционную для населения России в целом, а «русских» в частности, религию, активно при этом апеллируя к христианской традиции крещения, соблюдаемой многими россиянами.

Исторически религия, наряду с этничностью, является наиболее сильным идентификационным элементом. Поэтому неудивительно, что люди с неудовлетворённой потребностью в идентификации устремились в лоно церкви. Также религия выступает в качестве высокоэффективного для властей в полиэтничном государстве рычага управления массами. Это достаточно быстро было понято в высших властных эшелонах и обращено во благо правящего режима для «борьбы с теми массовыми инстинктами, которые могут взорвать изнутри рационально сконструированные проекты» [22, с. 13]. Отметим и возможность использования религии как инструмента единения и коммуникации разных слоёв крайне расколотого в экономическом плане российского общества.

Итак, люди в поисках идентификационного конструкта «обратились» к православным институциям и символам. «При этом синтезирование политической идеи национально-государственного строительства происходило на основе религиозного сознания и ценностей» [23, с. 100]. Однако индивидуально-духовное обращение многих «новых православных» с религиозной точки зрения есть не что иное, как фарс. Православность для подавляющего большинства «православ-

ных» россиян является отображением их гражданской идентичности, «цивилизационного кода» [24], культурной, а не религиозной принадлежности [25, с. 106]. Поэтому самоидентификацию большинства россиян с православным вероучением, на наш взгляд, лучше называть квазирелигиозностью, истинными причинами которой являются поиски идентичности россиянами, пребывающими в состоянии морально-нравственного и идеологического опустошения после распада СССР. Примечательно, что факт неискренности и «выставочной» религиозности россиян признаётся ими самими. Так 79,8 % респондентов соглашались с тем, что многие люди хотят показать свою причастность к вере и церкви, но мало кто из них верит по-настоящему [26].

Резюмируя вышеизложенное, отметим узловые точки нашей работы. В течение двух последних десятилетий социологические опросы фиксируют рост числа лиц, идентифицирующих себя как православные верующие. Однако факт самоотождествления с религиозной группой, как правило, не сопрягается с исполнением религиозных практик, предписываемых вероучением, и стремлением к постижению трансцендентного. Одним из обоснований данного феномена может являться предположение о том, что православие для большинства «православных» россиян в большей степени является элементом гражданской идентичности, нежели компонентой идентичности религиозной. Конфессиональный идентификатор скорее используется номинальными верующими как средство, разделяющее мир на «своих» и «чужих», а не как поиск дороги к Богу. С точки зрения автора, причина использования религиозного маркера в нерелигиозных целях может заключаться в стремлении восполнить идентификационный вакуум, образовавшийся после распада СССР. Попытки использования этнической принадлежности в качестве основы для нового идентификатора не увенчались успехом, ввиду чего идеологический фокус сместился на культурно-религиозную сферу, в частности на православное вероучение. РПЦ восприняла идентификационные искания россиян как возможность для усиления собственного влияния и активно способ-

ствовала укоренению представлений о православии как об «основе русского государства» и культуры. Вместе с тем, высокая степень секуляризованности российского общества не позволяет РПЦ перейти от информационной работы по околорелигиозным темам (таким как: «роль и место православия в российском государстве / духовно-нравственных традициях России» и т.п.) к непосредственному проповедованию Слова Божьего. В свою очередь, факт низких показателей знания основ православного вероучения и соблюдения религиозных практик среди большинства православных «верующих» является одним из следствий недостатка собственно религиозного просвещения в российском обществе.

Однако обретение идентификационного конструкта не завершило дрейф массового сознания россиян. Более того, оно обнажило

не менее острую проблему нацистроительства. В упрощённом виде процесс нацистроительства заключается в ответе на несколько вопросов массового сознания: «Кто мы?»; «Что нам надо делать?»; «Зачем нам это надо делать?». Функцию ответчика на первый вопрос выполняет пресловутый религиозный идентификатор, на момент 2013 г. уже выбранный 68% россиян. А вот объяснение того, что и зачем необходимо делать, находится в компетенции национальной идеи, которая, судя по событиям 2014-2015 гг., выражается в проведении политики ирредентизма и придания России статуса «сверхдержавы». Так что с наступлением массового православного отождествления наиважнейший для страны процесс нацистроительства не был завершён, если он, конечно, с этого начинался [27, с. 273-274].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Исследование ОМНИБУС 1989-10. URL: http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=0&HQ=17357&SQ=2114&HSQ=106 (дата обращения: 22.04.2014)
2. Общественное мнение – 2013. М.: Левада_Центр, 2014. URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2013> (дата обращения: 30.04.2014)
3. Лебедев С.Д. Рефлексивный потенциал православной культуры в России, 1990-2000-е гг.: к социологическому анализу проблемы // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 129-142. URL: <http://modernity-centre.org/2012/11/26/lebedev-102/> (дата обращения: 04.09.2014)
4. Исследование Курьер-2003-19. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?en=0&ID_S=1521 (дата обращения: 22.04.2014)
5. Снеговая М.В. Социальноэкономические и политические предпочтения различных религиозных групп: православные христиане и католики на Украине // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. Кн. 3 / отв. ред. Е.Г. Ясин; Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 140-152. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/08/08/1268229375/conf3.pdf> (дата обращения: 22.04.2014)
6. Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24-36. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33511522/> (дата обращения: 04.09.2014)
7. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. СПб.; М.: Летний сад, 2000. 248 с. URL: <http://www.verigi.ru/?book=211> (дата обращения: 22.04.2014)
8. Медведев С.А., Томашев И.А. Политическая аномия в современной России // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 274-282.
9. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М.: Научный эксперт, 2009. 424 с. URL: <http://>

www.rusrand.ru/text/Nov_technologii.pdf
 (дата обращения: 04.09.2014)

10. Тихонова И. Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? // После империи / под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 156-176.

11. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012.

12. Верховский А., Пайн Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия; под ред. Э.А. Пайна, Институт Кеннана. М.: Три квадрата, 2010. С. 171-210.

13. Исследование Омнимбус ВЦИОМ 1995-4. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1869&T=q (дата обращения: 04.09.2014)

14. Исследование Мониторинг ИКСИ 2000-III. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1589&T=q (дата обращения: 04.09.2014)

15. Исследование Омнимбус РОМИР 2001-9. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1601/Q=5/> (дата обращения: 04.09.2014)

16. Исследование Курьер 2002-9. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1697&T=q (дата обращения: 04.09.2014)

17. Горький М. В людях. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/v-lyudyah/v-lyudyah.htm> (дата обращения: 04.09.2014)

18. Деметрадзе М.Р. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/50307233/> (дата обращения: 04.09.2014)

19. Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ России и её будущего: политическая элита vs

представители социального дна // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2 / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 323-333.

20. Миголь Е.В., Хавенсон Т.Е. Изучение распределения политических ценностей в России, Франции, Германии и США // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2 / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 293-302.

21. Лебедев С.Д. Духовное versus культурное? К пониманию религиозного возрождения в России // Россия и современный мир. 2004. № 3 (44). С. 110-119.

22. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5-23.

23. Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: ИФ РАН, 2011.

24. Атака на церковь. URL: <http://vesti7.ru/news?id=36844> (дата обращения: 04.09.2014)

25. Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах ее изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104-115.

26. Исследование Курьер 1997-6. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1992/Q=54/> (дата обращения: 04.09.2014)

27. Крупкин П.Л. Россия и современность: проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, 2010. 568 с.

REFERENCES:

1. Research OMNIBUS 1989-10. URL: http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=o&HQ=17357&SQ=2114&HSQ=106 (date of access: April 22, 2014)

2. Public opinion – 2013. М.: Levada Center, 2014. URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2013> (date of access: April 30, 2014)

3. Lebedev S.D. Reflective potential of Orthodox Culture in Russia, 1990-2000: to the sociological analysis of the problem // Journal of Sociology. 2012. № 3. Pp. 129-142. URL: <http://modernity-centre.org/2012/11/26/lebedev-102/> (date of access: April 22, 2014)

4. Research Kur'er-2003-19. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?en=o&ID_S=1521 (date of access: April 22, 2014)

5. Snegovaya M.V. Socioeconomic and Political Preferences of Various Religious Groups: Orthodox Christians and Catholics in Ukraine // the XI International scientific conference on problems of development of economy and society: v 3 kn. Kn.3 / otv. red. E.G. Jasin; Vysshaja shkola jekonomiki. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2011. Pp. 140-152. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/08/08/1268229375/conf3.pdf> (date of access: April 22, 2014)
6. Lebedev S.D. Religious Renaissance as a social reality: a demythologizing of the concept // Journal of Sociology. 2007. № 2. Pp. 24-36. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33511522> (date of access: April 22, 2014)
7. Furman D.E., Kaariainen K. Old Churches, New Believers: Religion in Mass Consciousness of Post-Soviet Russia. SPb.; M.: Letnij sad, 2000. 248 s. URL: <http://www.verigi.ru/?-book=211> (date of access: April 22, 2014)
8. Medvedev S.A., Tomashev I.A. Political Anomy in Modern Russia // the XII International scientific conference on the problems of development of economy and society: v 4 kn. Kn. 2 / otv. red. E.G. Jasin; Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. Pp. 274-282.
9. Jakunin V.I., Bagdasaryan V.Je., Sulakshin S.S. New Technologies of Fight against the Russian Statehood. Monograph. M.: Nauchny Ekspert, 2009. 424 p. URL: http://www.rusrand.ru/text/Nov_tehnologii.pdf (date of access: September 4, 2014)
10. Tikhonova I. Post-imperial Syndrome or Search for National Identity? // After the Empire / pod obshh. red. A.M. Kljamkina. M.: Fond «Liberal'naya missija», 2007. Pp. 156-176.
11. Kaspje S.I. Political Theology and Nation-building: General Provisions, Russian Case. M.: ROSSPJeN, 2012.
12. Verhovskiy A., Pajn E. Civilization Nationalism: the Russian Version of "a Special Way" // Ideology of "a Special way" in Russia and Germany: Sources, Contents, Consequences; On edition Je.A. Paina, Institut Kennana. M.: Tri kvadrata, 2010. Pp. 171-210.
13. Research Omnibus VCIOM 1995-4. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1869&T=q (date of access: September 4, 2014)
14. Research Monitoring IKSI 2000-III. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1589&T=q (date of access: September 4, 2014)
15. Research Omnibus ROMIR 2001-9. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1601/Q=5/> (date of access: September 4, 2014)
16. Research Kur'er 2002-9. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1697&T=q (date of access: September 4, 2014)
17. Gor'kij M. In people. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/v-lyudyah/v-lyudyah.htm> (date of access: September 4, 2014)
18. Demetradze M.R. Core of Traditional Values as Phenomenon of Post-Soviet societies. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/50307233/> (date of access: September 4, 2014)
19. Kasamara V.A., Sorokina A.A. The Image of Russia and its Future: Political Elite vs Representatives of a Social Underworld // XII International scientific conference on problems of development of economy and society: v 4 kn. Kn. 2 / otv. red. E.G. Jasin; Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. Pp. 323-333.
20. Migol' E.V., Havenson T.E. Studying the Distribution of Political Values in Russia, France, Germany and the USA // the XII International scientific conference on problems of development of economy and society: v 4 kn. Kn. 2 / otv. red. E.G. Jasin; Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. Pp. 293-302.
21. Lebedev S.D. Spiritual versus cultural? By understanding the religious revival in Russia // Russia and the Modern World. 2004. № 3 (44). Pp. 110-119.
22. Solov'ev A.I. Political Ideology: the Logic of Historical Evolution // Polis. 2001. № 2. Pp. 5-23.
23. Kara-Murza A.A., Zhukova O.A. Freedom and Creed. Christian liberalism in the Russian political culture. M.: IF RAN, 2011.
24. Attack on Church. URL: <http://vesti7.ru/news?id=36844> (date of access: September 4, 2014)
25. Sinelina J.J. On the dynamics of religious Russians and some methodological problems of its study (religious consciousness and behavior of Christians and Muslims) // Sociological studies. 2013. № 10. Pp. 104-115.
26. Research Kur'er 1997-6. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1992/Q=54/> (date of access: September 4, 2014)
27. Krupkin P.L. Russia and Modernity: Problems of Compatibility: Essay of Rationalization. M.: Flinta, 2010. 568 p.